

- археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
34. Соколовский Н. П. Валы в системе обороны Евронейского Боспора // СА. 1957. Вып. 27.
35. Масленников А. А. Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.

36. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Древние укрепления Северного Крыма // ВДИ, 1986. № 2.
37. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука. 1975.

В. А. СИДОРЕНКО

«ГОТЫ» ОБЛАСТИ ДОРИ ПРОКОНИЯ КЕСАРИЙСКОГО И «ДЛИННЫЕ СТЕНЫ» В КРЫМУ

Но помимо этого, многие века, которые протекли со времен тех, кто раньше писал об этих вопросах, внесли новое в положение дела, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я считал крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не занимаясь расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница.

Прокопий из Кесарии. Война с готами, VIII, 1, 11—12, перевод С. П. Кондратьева

Письменные источники содержат разрозненные и далеко не полные свидетельства о населении Таврики в раннесредневековое время, привлекаемые в работах Ф. Бруда (1, с. 2 и сл.; 2, с. 123—125), В. Томашека (3, с. 2—19), А. А. Васильева (4, с. 265—344; 5, с. 179—191; 6, с. 3—80) и ряда других исследователей (7, с. 7—29; 8, с. 320—326; 9, с. 58—66). Одним из наиболее важных для исторической топографии и сопоставления с конкретными археологическими памятниками является сообщение Прокопия Кесарийского в трактате «О постройках» о стране или области Дори, населявшейся готами, и возведении здесь при Юстиниане I (527—565 гг.) «длинных стен» (10, III, 7, 13—17; 11, с. 249—250).

Наряду с различными точками зрения на местоположение Дори в пределах Крымского полуострова, в недавнее время высказывалось мнение о возможности нахождения ее вне Крыма (12, с. 232). Подобные разногласия в локализации Дори и важность всего связанного с нею круга проблем для раннесредневековой истории Таврики побуждают вновь обратиться к свидетельству Прокопия.

Посетившие Крым путешественники по-

следней четверти XVIII в. могли пользоваться далеко не совершенным венечнапским изданием текстов Прокопия 1729 г., повторившим парижское 1662—1663 гг. (13, 14). В 1800 г. увидела свет книга С. Сестренцевича-Богуща «Исторические судьбы Таврического полуострова», переведенная с французского на русский язык в своей публикации 1806 г. Эрудированный автор соединил сообщение Прокопия о Дори с его же рассказом в «Войне с готами» о переселении из Тамани — как было понято Богущем — на Боспор готов-тетракситов, связав иное, встречающееся в разночтениях рукописей их название «транезиты» с горой Трапезус, упоминаемой Страбоном и отождествляемой (начиная с П. С. Памласа) с Чатырдагом в Крыму. Располагая тетракситов на Боспоре, Сестренцевич-Богущ пишет: «Другая часть Готфов, живших издавна в Таврии, и которые вместо того, чтобы следовать за царем Феодориком, оставались под защитой Гуннов и Огров, были Готфо-Транезиты. Греки дали им сие имя по виду их местоположения на вершине горы Синап-дага, гладкой как доска... Сия страна называлась Дорис...» (15, с. 276).

Краткое изложение описания Дори находим у Н. М. Карамзина, называвшего ее «юго-западной приморской областью» (16, прим. 88). П. И. Кепшен опубликовал греческий текст отрывка и его русский перевод. Многочисленные укрепления крымского нагорья автор «Крымского сборника» рассматривал как одновременно возведенную, «систематическим порядком устроенную охрану» (17, с. 61). К этой системе он относил и развалы преграждавших перевалы стен на внутренних склонах гряды. Всею эту оборонительную систему вместе с крепостями в Алуште и Гурзуфе он, таким образом, рассматривал как результат юстиниановского строительства в Таврике, локализуя Дори как на Южном берегу Крыма, так и в юго-западной части полуострова. Так, по крайней мере, его оценка свидетельства Прокопия понималась большинством последующих исследователей, хотя собственно вопрос о Дори П. И. Кепшен обходит стороной, считаясь, вероятно, с авторитетом П. С. Палласа, ранее высказывавшего иную точку зрения. Немалое значение в формировании взглядов на историческую топографию полуострова имело исследование А. Фабра, оказавшееся впоследствии в тени того внимания, которым пользовался монументальный труд П. И. Кепшена (18, с. 239—244). К убеждению, что построенные Юстинианом «длинные стены» есть цепь непрерывных городов-крепостей с Мангупом во главе, пришел швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере, издавший свое сочинение в 1839—1843 гг. (19, с. 225—226). В способе локализации крепости Дорос, отождествлявшейся к тому времени с областью Дори Прокопия, он исходит из следующих соображений: «Думают, что столица готов — Дорос или Феодоро была в Инкермане. Это предположение почти невозможно. Мангуп — самое неприступное место в Крыму. Не подлежит сомнению, что именно здесь была столица готов с архиепископской кафедрой» (19, с. 286; 8, с. 320).

В распоряжении историков второй половины XIX в. уже имелось боннское издание текстов Прокопия, снабженное латинским переводом (20, с. 261—262). Последний отличает корректность, которой не смогли достичь все существующие переводы свидетельства Прокопия о Дори на русский язык. Исключение составляет краткое изложение содержания этого сообщения Ю. Кулаковским (21, с. 61), хотя и он не избежал

влияния довлеющих концепций, заменив «длинные стены» «укреплениями».

В прямой связи с готами Дори зачастую рассматривалось местонахождение области расселения готов-христиан в IV в. н. э. В числе источников привлекался список отцов первого Вселенского собора в Никее (325 г.), где, наряду с епископами Кадмом Боспорским и Филиппом Херсонским, упоминается готский митрополит Феофил (4, с. 275—277). На ставшей традиционной позиции преемственности названий — готов у Прокопия и Готии (Южного побережья Таврики, а позже Готской епархии) — стоял В. Г. Васильевский, опубликовавший переводы большинства письменных источников к истории христианства в Крыму, в том числе и свидетельства Прокопия о Дори (22, с. 372). Тем же переводом, переиздав его, пользовался А. А. Васильев, предполагавший распространение Дори на все побережье от Херсона до Судген (Судака) и предгорья, включая Мангуп и Чатырдаг. По его мнению, готы-тетрациты, проживавшие в Крыму, не все ушли во второй половине V в. с гуннами-утигурами на Тамань, а оставшаяся их часть и составила население Готии. Название же области Дори Прокопий мог ошибочно перенести на эту территорию с ее главного пункта — понтийского города Дори, который упоминается византийским грамматиком Присцианом (4, с. 310—313).

Последнее из его предположений не нашло поддержки среди ученых, уступив преобладавшему еще с середины прошлого века мнению о тождественности области Дори Прокопия с крепостью Дорос, называемой в «Бревиарии» Никифора и «Хронографии» Феофана под 705 г. в связи с эпизодом бегства сосланного в Херсонес низложенного императора Юстиниана II (23, с. 273), а также в «Житии Иоанна Готского», где Доросу синонимично понятие «крепость готов» (22, с. 397—398, 406—425). Вместе с ним существует и недостаточно обоснованное отождествление Дороса с более поздним Феодоро, крепостью и городом на плато Мангупа. Последняя точна зрения возобладала и после того, как Н. И. Репниковым было выдвинуто предположение о тождественности Дороса крепости Эски-Кермен (24, с. 134).

Обращаясь к вопросу локализации Дори и «длинных стен», исследователи вплоть до настоящего времени пользуются переводом

трактата «О постройках» Прокопия, сделанным С. П. Кошдратьевым с издания 1916 г. (10) и опубликованным в 1939 г. (11, с. 249—250).

Единственным в своем роде специальным анализом текста сообщения Прокопия о Дори была работа Э. И. Соломоник «Свидетельство Прокопия Кесарийского о длинных стенах и стране Дори в Крыму», являющаяся первой частью статьи двух соавторов (25, с. 11—27). Анализ, предпринятый Э. И. Соломоник по отношению к употреблению термина «длинные стены», показал, что значение его у Прокопия отличается от более конкретного его применения предшествующими авторами, в том числе и Фукидидом, обобщенностью. На этом основании построена версия о близком функциональном характере «длинные стены» Дори и укреплений в горных районах, называемых Прокопием клейсурами. Одновременно отмечается, что общий смысл этого термина «остается прежним, фукидидовским». Работой не используются возможности, заключенные в исследовании самого текста, кажется, что задача объективного анализа в ней не ставилась. Само же соединение под общим заглавием двух статей, с заведомо определенной целью доказать южнобережную локализацию Дори, отразилось на интерпретации источника, подчиненной презумптивной концепции. Отчасти это отмечалось в рецензии А. Л. Яковсона (26, с. 301) и статье Л. В. Фирсова (27, с. 113), выразивших несогласие с предложенной локализацией.

Уточнения, сделанные Э. И. Соломоник к переводу части трактата «О постройках», не подвергались серьезной критике. Рассуждения Л. В. Фирсова о некой «общей равнозначности» предлогов (27, с. 107) и обвинение самого Прокопия в обобщенности его представлений о Таврике затеняли существенные недостатки нового перевода. К тому же Л. В. Фирсов поддерживал необоснованное утверждение А. Л. Яковсона, что «авторы исходят из буквального понимания текста Прокопия, не допуская ни малейших отклонений» (26, с. 299). Подобная псевдокритика, поставившая под сомнение свидетельство источника, не только открывала дорогу его произвольным толкованиям и незаслуженному доверию к нему, но и подрывала авторитет источниковедческого, лингвистического анализа как такового.

Прежде чем обратиться к уточнениям

перевода раздела трактата «О постройках», посвященного стране Дори и строительной деятельности Юстиниана на полуострове, остановимся на общей характеристике привлекаемых в этой связи семи параграфов (10, III, 7, 10—17). Как можно заметить, они представляют собой две самостоятельные клаузулы.

Первая начинается оборотом *καὶ μὲν* утвердительного характера (ведь, и вот, действительно, поистине, конечно), крайне редким в трактате. Появление его не случайно для Прокопия, язык которого отличается, как отмечалось рядом исследователей, конкретностью и строгим системностью словоупотребления. Клаузула включает три параграфа, где говорится о местоположении городов Веспора и Херсона и восстановлении их стен (10, III, 7, 10), возведении «там именно» — *αὐθα ἔρη*, т. е. на том же побережье «укреплений Алустоп и в Горзувитах» (10, III, 7, 11), и вновь об укреплении стенами Веспора, находившегося «с давних времен» под властью гуннов и возвращенного под власть Византии императором (10, III, 7, 12).

Это сообщение переключается с предшествующим по времени написания сочинением Прокопия «Война с готами», где в разделе, посвященном Крыму, он пишет: «За Меотийским болотом и рекой Талансом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой... За этими племенами расположен приморский город по имени Веспор, не так давно ставший подчиненным римлянам. Если идти из города Веспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов. Два других небольших городка поблизости Херсона, называемые Келы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» (28, с. 388, VIII, 5, 23, 26—29).

На определенное сходство отрывков обращалось внимание исследователей; несоответствие ряда деталей этих свидетельств отмечала и Э. И. Соломоник, заключившая, что ко времени написания трактата «О по-

стройках» Прокопий располагал дополнительными источниками о Крыме (25, с. 14). Подобное наблюдение вполне правомерно, но значительный интерес представляют и причины, побудившие Прокопия повторить отдельные части повествования почти без изменений. Известно, что трактат «О постройках» рассматривался им как продолжение книги «Войн» (28, с. 55), к которым он зачастую отсылает читателя, не повторяя ранее уже написанного. В посвященном же Крыму разделе трактата он как бы изменяет этой традиции. Остается заключить, что ко времени работы над трактатом Прокопий располагал материалами не только дополнявшими ранее написанное им о Таврике, но и обнаружившими ошибочность некоторых прежде сообщенных сведений, что заставило прибегнуть к повтору, опустив из текста неверные свидетельства и дополнив его новыми.

В «Войнах» было дано неправильное расположение Кеп и Фанагория возле Херсона — в трактате упоминание о них опущено, а нахождение Херсона и Боспора уточнено; прежде говорилось, что всю область между этими городами занимают варвары из племени гуннов, но вместе с тем «всю страну... часть которой и ныне называется Таврикой», занимают скифы и тавры. В трактате даны более четкие представления: за Меотийским болотом, за таврами и тавроскифами указано побережье с городами Боспором и Херсоном, где также построены укрепления Алустон и в Горзувитах. Наконец, в сообщении о Боспоре лишь внесены дополнения, касающиеся степени разрушения его стен варварами и их восстановления после возврата города под власть Византии.

Наиболее существенно, что новые сведения, полученные Прокопием после написания «Войны с готами», представлялись ему абсолютно достоверными. Это не только позволило ему внести отмеченные поправки, но и начать описание утвердительно *καὶ μὴ*, несомненно важным для оценки всего свидетельства, независимо от того, какое из его значений мы используем в переводе. Уже отмеченная ранее несвойственность подобного оборота языку Прокопия, возможно, заставила С. П. Кондратьева проявить осторожность и перевести его произвольно фразой «сверх того», от которой, учитывая изложенное, необходимо отказаться. Излишеством перевода представляется и

последующее «что касается», т. е. родительный падеж названий городов Боспора и Херсона связан с *τα τεύχη* и речь идет, собственно, не о городах, а о стенах этих городов.

Вторая клаузула, являясь дополнением первой, включает параграфы 13—17 и сообщает сведения о стране Дори и «длинных стенах». Достаточным основанием для выделения ее в самостоятельный раздел помимо тематической связности параграфов служит открывающее ее «*εστὶ βε τίς*» (есть же, имеется же). Оно представляет собой оборот, многократно используемый Прокопием в трактате (10, I, 10, 5, II, 9, 3, IV, 10, 24, V, 2, I, 3, 12, 5, 8, 7, I, VI, 2, 6), причем во всех названных случаях с него начинается раздел. Несмотря на то, что в изданиях текстов начало рассматриваемой клаузулы не выделено в новый абзац, это обстоятельство не следует считать каким-то исключением.

Э. И. Соломоник приводит в своей работе как выдержку из текста Прокопия «*τίς ὄρα*» и замечает, что «маленькое словечко» *τίς* (некая), по-видимому, показывает, что в этом вопросе «не все представлялось ему ясным и точным» (23, с. 15). Но в трактате после энклитической частицы, не отделимой по смыслу от вводного оборота, стоит к тому же слово *εὐταυθα* (здесь), устранение которого равносильно фальсификации текста источника. Жертвой допущенного lapsus стал И. С. Ппоро, повторивший несоответствующую тексту выдержку с сохранением кавычек и поддержавший мнение, что Прокопий «не все представлялось ясным и точным» (9, с. 61). Как видим, подобное утверждение не имеет под собой оснований, а использование Прокопием в начале всего посвященного Крыму абзаца утвердительно по характеру оборота *καὶ μὴ* позволяет предполагать противоположное — достоверность приводимых в трактате сведений не вызвала сомнений у его автора.

Синтаксическое разделение свидетельства на две части вводным оборотом *εστὶ βε τίς* согласуется с отмечавшимся ранее исследователями логическим противопоставлением этих же частей. Так, если в первой говорится о строительстве укреплений на побережье, то во второй сообщается, что в области Дори император не построил нигде ни города, ни крепости (29, с. 255).

Обращает на себя внимание и то, что в

определениях обстоятельства места, употребляемых в начальных фразах каждой из частей, используются близкие по значению выражения. Так, в параграфе 10 о городах Боспоре и Херсоне говорится «κατα την εχβινη ακτην», а в 13 о Дори — «κατα την παραλιαν». Предложенный для последнего Э. И. Соломоник перевод предлога «κατα» наречием «вдоль» несколько произволен. В допустимости подобного перевода не убеждают и приводимые ею ссылки на примеры из «Войны» (30, VIII, 4, 1; 26, 24), которые действительно «позволяют предполагать не местечко у моря, а более значительную территорию» (25, с. 16), но не доказывают, что она тянется непременно вдоль моря.

В топографии морского берега Прокопия пользуется всем возможным набором терминов: «η της θαλασσης η χωα» — «берег моря», «η παραλιος» — «морское побережье», «η παραθαλασσια» — «побережье, приморская полоса». Наряду с ними употребляется и «η ακτη», значение которого в языке Прокопия отнюдь не равнозначно просто «берегу», как его переводит С. П. Кондратьев в интересующем нас эпизоде параграфа 10. Чтобы устранить ненужную тавтологию «приморские — на берегу» и уточнить конкретный смысл термина, обратимся к примерам его употребления в контексте другого эпизода из того же трактата, где повествуется о строительной деятельности Юстиниана I по берегам пролива у входа в Евксинский Понт (10, I, 8, 1—20). На его левой стороне находился выступающий (προοχως) и необитаемый издавна людьми η ακτη, этому термину противопоставлена населенная местность κατα πολη της ταυτη χωρας (10, I, 8, 3) — «значительно в глубь того берега» (раздел. κατα). Каменным молот — την εμβολην των λετρων (10, I, 8, 9), вогнув тот η ακτη внутрь для защиты гавани — εισω περιελξας ες σκελας λιμενος (10, I, 8, 7), император, в конечном итоге, спланировал бухту Ρογ (10, I, 8, 1). В значении η ακτη здесь определенно выступает выдвинутая в море изломом часть суши или мыс.

В подобном же соответствии носу, мысу, полуострову известен этот термин античными авторам (31); той же терминологией пользовался Геродот в сообщении о двух мысах, выдающихся в море.

Продолжая описание все той же левой стороны пролива, Прокопий говорит о строи-

тельстве одного из двух храмов εν τη ακτιλερας ακτη. т. е. на противоположном мысу (10, I, 8, 3), а в дальнейшем уточняет его местоположение «κατα δε την ακτιλερας ακτην ολιγω της θαλασσης» (10, I, 8, 18) — «при противоположном мысе на небольшом удалении от моря». О том, что речь идет о двух мысах на одном берегу, явствует из следующего за этим описания другой стороны — справа от входа в Евксинский Понт, где автор трактата называет еще один мыс: «του λορφμου την ακτην» (10, I, 9, 8) — «мыс пролива».

Особый интерес для нас представляет приведенный пример употребления предлога «κατα» применительно к «η ακτη», из которого очевидно, что праер. сипт асс. определяют примерное местоположение, вместе с тем исключающее собственно ориентир и требующее поэтому дополнительного уточнения. Аналогично построен и отрывок из свидетельства о городах Боспоре и Херсоне: «ακτιερ κατα την εχβινη ακτην ελιθαλασσιδιαι» (10, III, 7, 10), — «которые при мысе с той стороны приморские». Это в достаточной степени соответствует реальному расположению городов в свете представлений Прокопия, считавшего Крым не полуостровом, а отделенной от материка Меотийским «болотом» частью суши. Понятно и следующее его сообщение, что «именно там» (ενθα δε η), а следовательно, не у городов Боспора и Херсона, а на мысу, каковым рассматривался Южный берег Крыма, были возведены укрепления Алустон и в Горзувитах (10, III, 7, 11), что также вполне отвечает местонахождению современных Алусты и Гурзуфа.

Обратимся теперь к свидетельству о Дори, которая, как следует из текста, находится «ενταυθα» — «здесь», т. е. на этой же η ακτη, что надо понимать — в Крыму. Ее более конкретное положение «κατα την παραλιαν» (10, III, 7, 13), исходя из вышерассмотренного, имеет значение «при побережье», исключающее саму линию побережья, что прямо противоположно предложенному Э. И. Соломоник «пониманию» текста.

Чтобы не возвращаться больше к первой части свидетельства, не имеющей прямого отношения к Дори, отметим, что в остальном, кроме сделанных уточнений § 10, перевод ее С. П. Кондратьевым практически не нуждается в исправлениях, если не считать дополненное им в параграфе 11 число ук-

репленный «два», не названное в тексте, где не исключается возможность возведения «в Горзуватах» и более одной крепости.

В дальнейшем будем сопровождать перевод комментарием по параграфам.

III, 7, 18: «Есть же здесь область (страна) при побережьи, именуемая Дори, где искони живут готы, которые не последовали за Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь и в мое время были союзниками римлян, участвовали в походах их на своих врагов всегда, когда бы ни пожелал император».

«Исконность» владения готами данной местностью представляется более отвечающей тексту, где, согласно семантическому анализу глаголов обитания у Прокопия, предельному Л. А. Гиндиным (32, с. 177), речь идет об автохтонности поселения. Такая поправка существенна, т. к. перевод «с древних времен» (у Кондратьева) позволял исследователям предполагать в готах области Дори какое-то пришлое население с преобладанием готского этноса, давшего название известной по более поздним источникам области Готии, а отсюда «транспортировать» свидетельство Прокопия, начиная с П. И. Кенпена, на Крымскую Готию. Между тем автохтонность обитателей Дори не позволяет видеть в них то варварское, в т. ч. готское население, которое привлекалось политикой Византии при Феодосии I и его сыновьях извне для усиления границ империи и оставило специфические памятники материальной культуры преимущественно на Южном побережье Крыма (33, с. 98; 34, с. 118; 35, с. 272, рис. 1; 36, с. 137—139; 37, с. 160—161).

Прояснить, кто же, собственно, те готы, «которые не последовали за Теодорихом в Италию», позволяет предшествующая по времени написания более обстоятельная их характеристика того же автора в «Книге войны», где он пишет: «По ту сторону Меотийского Болота... живут с древних времен так называемые готы-тетраакситы.; значительно в стороне от них осели готы-визиготы, впадали и все остальные племена готов. В прежние времена они назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов; некоторые из них назывались савроматами, меланхленами («чернопакидошникам») или каким-либо другим именем... киммерийцы (гунны.— В. С.), внезапно напав на живших

на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство... с соизволения императора они поселились во Фракии. С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора, как и другие воины, ежегодное жалование и нося звание федератов... С другой стороны, часть этих же готов вела с римлянами и войны... до тех пор пока не ушла в Италию под начальством Теодориха» (30, VIII, 5, 5—6, 11—14; 28, с. 385—387). Название «меланхленов» заимствовано Прокопием у Геродота (38, IV, 20), почерпнутое из других источников и сведения о походе Теодориха (39, I, 94, 22, 131, 12; 40, с. 84—85; 41, 290), к которым он неоднократно обращается (30, V, 1, 9, 16, 2). Однако из рассказа следует, что федератами Византии, не последовавшими за Теодорихом, являлось аборигенное население Скифии, сиречь — и Таврики, преимущественно сарматского круга.

У Прокопия находим также упоминание в числе «готских племен» аланов и скиров, принятых незадолго до правления Зенона (474—491 гг.) в союзники римлян (30, V, 1, 3). Обобщенная характеристика населения — «племенам гунпским и готским, и те, что в Таврии, и те, что в Скифии...» — встречается в трактате «О постройках» (40, IV, 1, 5; 32, с. 178), выражая некую общность населения этих территорий.

Образование готского союза племен приходится на третью четверть III в. н. э. По свидетельству Зосима, в него вошли «остальные скифы», соединившиеся с герулами, певками и готами (42, с. 793). Таким образом, герулов и псковов наряду с готами он исключает из числа скифских племен. По данным Требеллия Поллиона, участниками объединения являлись «разные скифские народы», а именно певки, грутунги, австроготы, торвинги, визы, гениды, но также кельты и ерулы — во главе с готами (43, с. 301). Он тоже исключает из числа «скифских племен» герулов (ерулы), а с ними и кельтов. Среди «скифских» оказываются певки. К ним же отнесены и другие племена, расселившиеся в Скифии, например, тепиды или визы («визиготы» Прокопия). Важен сам факт разделения населения на автохтонное Скифии и вновь влившееся в их среду. Самоназвания же аборигенных народов Скифии оказываются практически неизвестными авторам трактатов и землеописаний, предпо-

читавшим общес для них именованне скифов, сарматов, а после образования союза племен — готов. Именно подобные, лишние этнического самоназвания «готы» могли составлять основу населения области Дори в Крыму.

III. 7, 14: «Прибываия (для похода числом) до 3000, и в военном деле они превосходны, и в земледелии, где сами трудятся, искусны, и наиболее гостеприимны из встречающихся людей».

В начале параграфа использован глагол движения, в котором С. П. Кондратьев усматривал несколько иной оттенок, дополняя перевод «численностью населения... бойцов», что заключало в себе противоречие, позволявшее произвольно трактовать или игнорировать сообщение.

На неудачном переводе параграфа при отсутствии конкретного упоминания «бойцов» в тексте Прокопия построено мнение Э. И. Соломовик о малочисленности населения Дори, выразившейся в «трех тысячах готов», к вопросу о которых она собиралась обратиться после намерения «скоцентрировать вместе весь материал» (25, с. 15) о географических особенностях Дори, но не сделала этого.

М. А. Тихалова, исходя из «незначительной численности упоминаемых Прокопием готов» (8, с. 324), предполагала ошибку самого Прокопия, но что он «имеет в виду не все население», а воинов поставляемых империи вспомогательных отрядов. В этом она разделяла мнение А. А. Васильева (4, с. 310—311). Между тем в тексте параграфа 14, логически связанного с предшествующим, определенно названа численность отряда, предоставляемого готами императору для участия в его военных кампаниях, числом до трех тысяч.

Не смог не посчитаться с авторитетом переводчиков — С. П. Кондратьева и Э. И. Соломовик — и Л. В. Фирсов, приписавший козырьность Прокопию, но оценивший важность сообщаемой им цифры как именно числа бойцов и рассчитавший, исходя из нее, возможную численность всего населения Дори (31, с. 109). Признавая, что его расчетная величина предельно условна, мы все же вынуждены согласиться с главным, геологически обоснованным выводом, что возможность размещения на Южном берегу Крыма даже половины от предполагаемых им 60 тысяч сельского населения маловероятна

из-за отсутствия здесь достаточного количества плодородных земель (притом исключив из этой территории значительный участок от Алушты до Гурзуфа).

По наблюдению Л. В. Фирсова, содержащаяся в параграфе похвала гостеприимству готов совпадает с подобной же характеристикой германцев, данной им Тацитом (27, с. 107; 44, с. 362). Аналогичное совпадение отмечается им и для характера расселения германцев у Тацита и готов в параграфе 16 у Прокопия, к чему мы обратимся в соответствующем разделе. Здесь же, где речь идет о гостеприимстве, возможность заимствования не столь существенна, так как этим второстепенным эпизодом лишь дополняется акцентированный Прокопием аспект миролюбия готов и их расположения к византийцам. В русле этого мотива — добровольность вступления готов в союз с империей, беспрекословное выполнение обязанностей федератов и предоставление немалого количества воинов по первому требованию императора. Здесь, несомненно, могло иметь место заимствование, но с равным успехом подобное логическое дополнение строится на общем контексте.

Более существенной является похвала умениям готов обрабатывать землю, что они делают самостоятельно (досл. — «собственно-ручно»), т. е. без использования рабского труда. Ранее отмечалась их принадлежность к оседлому, преимущественно автохтонному населению. Наличием привычек землепользования лишь подтверждаются эти данные предиде. характеристики.

III. 7, 15: «Сама же местность Дори хоть и лежит в высокогорной земле, но все же ни неровна, ни тверда, а очень хороша и приносит лучшие плоды».

Перевод, значительно разнящийся от прежнего, несомненно, требует комментария. Расстановка членов η χωρα το Δορι заставляет открывающее *prop. definit.* распространять только на первое *subst.*, внося соответствующий корректив в перевод. Далее *την μεν γης* связывается *παερ. cum dat.* *adj.* *εφηλος*, причем *μεν* выступает с двумя соответственными — первая *μεντοι* с отрицанием и двумя подчиненными *ουτε*, вторая — *αλλα* (*in crasi*).

Можно согласиться с Э. И. Соломовик в том, что «εφηλος» (переведенная нами как *adj.*) — «вряд ли обозначает высокие горы или обрывистые скалы», вероятно и то, что

местность «идет по возвышенностям и склонам» (25, с. 16). Но это никак не свидетельствует в пользу южнобережной локализации Дори, как представлялось ей.

С. П. Кондратьев прибегнул к литературной обработке перевода, введя в него «не камняста и не суха» (о земле). Между тем «ни неровна, ни тверда» более емко информирует о топографических ее особенностях, т. к. здесь говорится о какой-то равнине или же равнинах, расположенных в гористой местности и обладающих плодородной и мягкой почвой.

III, 7, 16: «Ни города, ни укрепления нигде в области (стране) император здесь не построил; здешние люди, не терпевшие быть заключенными в стены, всегда охотнее жили на равнине».

Данный перевод почти не отличается от предложенного С. П. Кондратьевым; уточнение о предпочтительном жительстве населявших область людей «на равнине», а не «в полях», принадлежит Э. И. Соломоник, проделавшей терминологический анализ текста (25, с. 17, сн. 15).

Употребляемый глагол обитания тот же, что и в параграфе 13. Наряду с ним здесь также используется временное наречие со значением «всегда, постоянно», сопровождающее participle. Дополнение темпоральной глагольной формы временными характеристиками свойственно языку Прокопия, когда он говорит о народах, достаточно ему известных (32, с. 184). Однако в данном контексте оно не столь существенно, поскольку склонность жителей к расселению на равнине является мотивировкой причин, по которым император не построил здесь ни одного укрепления.

Умилительная картина безмятежной жизни в полях или на равнине теряет краски, если учесть, что какая-то угроза со стороны все-таки существовала, что и побудило императора возводить иную фортификационную систему «длинных стен», как сообщается в следующем параграфе. Если так, то, возможно, существовали примитивные, построенные самим населением в условиях гористой местности убежища и укрепления. Но, рассредоточенные по территории Дори, они могли защитить лишь само население области, тогда как воспрепятствовать проходу врагов через земли готов были не способны, а значит, для византийских владений (которые и должны были защищать федераты)

не только не представляли ценности, но являлись и нежелательным фактором.

Умалчивать о возможно существовавших укреплениях готов у Прокопия (если бы он и знал об этом) были и причины, и повод. Последний заключался в том, что подобные император не строил, не будучи в них заинтересован. Причина — в желании представить его миссию благородной по отношению к готам, а строительство «длинных стен» обосновать необходимостью их собственной защиты. При упоминании укреплений у готов вся стройная мотивировка Прокопия рушилась. Вероятно, здесь и кроются «основания» для нелюбви готов быть заключенными в стены. Несомненно, что укреплений, достойных этого названия с точки зрения византийца, могло у местного населения и не быть. Но все таки безмятежное существование «на равнине» — сомнительное место в рассказе Прокопия. Оно действительно могло заимствоваться из описания Тацитом быта германцев, как это отмечал Л. В. Фирсов (27, с. 107).

III, 7, 17: «Поэтому, длинными стенами проходы кругом истреградив там, где только эта местность — как ему показалось — была легко проходимой, он избавил готов от беспокойств о нападении. Таковы были его дела здесь».

Э. И. Соломоник справедливо заметила, что здесь речь идет не просто о перегораживании проходов, а о некоем круговом действии, по не развила дальше своего наблюдения (25, с. 19). Между тем очевидно, что περιβαλον означает строительство по периметру, т. е. вокруг территории, которой, конечно, не мог быть в подобном случае вытянутой в линию Южный берег. Из текста ясно: возведение τεύχεσσι μακροῖς не представляло сплошную линию стены, а затрагивало только проходы (ταῖς εὐδοῖαις), причем везде, где только императору эта местность показана легко проходимой. Здесь угадывается гористый ландшафт, каковым он назван в параграфе 15.

В поддержку южнобережной локализации Дори, попытаюсь отождествить упомянутые проходы с клейсурами, называемыми Прокопием обычно при описании высокогорной местности (10, III, 3, 2, 7, 5, IV, 2, 17). Э. И. Соломоник приводит якобы близкий тексту параграфа эпизод перегораживания ущелья в Лазике (25, с. 19, сн. 19). Пример крайне неудачен, так как там говорится не

о проходе в его топографическом смысле, а о выраженном тем же subst. «проникновении» как возможном действии (10, III, 7, 5), а предлагаемый ею перевод некорректен. Также несостоятельны и две другие отсылки к тексту Прокония, что делает подобную попытку «перемещения» длинных стен в высокогорную ситуацию беспочвенной.

Ранее отмечалось, что использование специфического глагола обитания при характеристике населения Дори позволяет считать его автохтонным. Для сопоставления уместно обратиться к сообщению о готах-тетракситах, достаточно обстоятельно описанных в «Войнах», но не упоминаемых в трактате «О постройках». Локализуя современное ему расселение их возле устья Меотиды на территории Тамани, Проконий пользуется глаголом *εβριοντο* (30, VIII, 4, 13, 5, 20), значение которого, по определению Л. А. Гиндина, находится в явной оппозиции с глаголом *οικεω* (32, с. 177) — «осели», в смысле недавнего обживания данной территории, по крайней мере, незапамятного. В подтверждение этому он пересказывает легенду о вытеснении их сюда гуннами-утигурами, с которыми они сохраняли добрососедские отношения (30, VIII, 5, 17—23), и указывает место их прежнего обитания за Меотидой, у ее впадения в Евксинский Понт, а следовательно, на территории Крымского полуострова, где поселились потеснившие их утигуры. Приведем фрагмент сообщения: «...ες αυτην του την ταλην ακτην οι Τετραξιται καλοουμενοι Γοθοι το λαλαιον οκηντο»... (30, VIII, 5, 5). Переводы этого отрывка, как и недавний Л. А. Гиндина (32, с. 177—178), сделаны, к сожалению, без учета temp. verb. и связанного с ним временного определения, что заставляет осуществить новый, просмотрев в нем также значение *η ακτη* в свете изложенных ранее соображений: «...где-то на самом том мысу прежде (в старину) жили готы, называемые тетракситами...». Из описания их столкновения с утигурами очевидно, что местом их расселения была оконечность современного Керченского полуострова (упоминается узкое место, образованное луповчдым заливом устья Меотиды, что подразумевает место вблизи пролива). Однако ко времени Прокония они давно покинули прежние места обитания, уступив их утигурам. Осев на Тамани, тетракситы, которые были немногочисленны и оказались значительно в стороне от всех «других» готов,

исповедовали христианство, послав на 21-м году правления Юстиниана (547 г.) к нему послов с просьбой о назначении нового епископа вместо умершего (30, VIII, 4, 11—12). Как видно, именно благодаря этому посольству Проконий располагал обширными сведениями о тетракситах, не доверяя которым нет оснований. Рассказ о них встречается только у Прокония и отсутствует в каких-либо иных источниках.

Более традиционным является описание вторжения в Крым через Тамань, т. е. в обратном направлении движения, киммерийцев или гуннов, о котором Проконий сообщает в форме легенды, соединив в ней заимствованные миф о лани (или корове), показавшей путь через пролив, и свидетельство о вытеснении гуннами из Скифии готов во времена Феодосия I (45, VI, 37; 46, с. 45). Как бы поясняя, что через пролив со стороны Тамани двигались не все гунны, он пишет, что «киммерийцы теперь зовутся утигурами» (30, VIII, 4, 8). Согласно его логике, эти киммерийцы-утигуры, в отличие от других гуннов, прошли в Скифию через Крымский полуостров, а затем, возвращаясь тем же путем, все или частично осели на полуострове, вытеснив с его восточной оконечности готов-тетракситов, достаточно воинственных, но немногочисленных. Исходя из начального пункта этого движения, в утигурах можно было бы видеть алан, принимавших, как известно, активное участие в гуннском продвижении на запад (47, с. 45). В последующее время аланский этнокультурный элемент играет значительную роль в сложении новых смешанных культур населения полуострова (48, с. 193—194). Однако сообщаемые свидетельством факты весьма расплывчаты, можно заключить лишь то, что волной движения гуннов и их союзников оказались затронуты восточная и степная части полуострова.

Сопоставляя результаты анализа текстов Прокония, мы можем заключить, что готы-тетракситы представляли собой территориально обособленную группу переменившего первоначальное место обитания населения, никак не связанного с автохтонными готами области Дори. Условиям размещения последней на полуострове могла соответствовать лишь его юго-западная часть, не затронутая в той мере, как другие, продвижением через степные зоны гуннов и их союзников

алан и отвечающая топографическому описанию Дори.

Незаслуженная дискредитация свидетельства Прокопия об этой стране или области не помешала все же большинству исследователей локализовать ее в Юго-Западном Крыму, хотя под готами Дори подразумевалось зачастую незначительное число пришедших готов-германцев, осевших здесь, а предполагаемая площадь их обитания порой сужалась до размеров Мангупского плато.

Вопрос проецирования на местность «длинных стен» различно интерпретировался историками. Развивая идею П. И. Кешена об юстиниановской единой системе фортификационных сооружений, А. А. Васильев предположил существование раннесредневекового «Таврического лимеса» (5, с. 182), что получило поддержку других исследователей (8, с. 324; 49, с. 27). Д. Л. Талису принадлежит компромиссное суждение о том, что крепости в Юго-Западном Крыму могли быть построены позже написания трактата в 555 г., а посему и не нашли отражения в нем (29, с. 254—255).

А. Л. Якобсон высказывался в пользу их датировки юстиниановским временем, допуская простую неосведомленность Прокопия 50, с. 62—63; 51, с. 148—150). Он остановился на том, что «длинные стены» археологически пока не выявлены, но по характеру им ближе всего Суйренское укрепление — отрезок стены с башней на вершине узкого выступа плато, и они могут находиться только в Юго-Западном Крыму (26, с. 306).

В 1984 г. при исследовании территории балки Каралев (Сторожевая) у подножия Мангупа были обнаружены остатки мощной оборонительной стены, перегородившей всю долину. В том же и следующих годах предприняты ее археологические раскопки на участке, расположенном в низине балки, где, оказавшись скрытой под слоем песчанистого патечного грунта, она сохранилась на высоту до 2,5 м.

Толщина стены 2,3—2,4 м, протяженность — более 150 м, перепад высот между флангами и низинной средней частью составляет до 25 м на восточной и около 30 м на западной ее оконечности, где она была вплотную пристроена к вертикальным известняковым обрывам, возвышающимся над долиной плато. В местах смыкания стены сохранилась вырубка скалы, над которой находятся искусственные смотровые площадки с комп-

лексом небольших пещерных сооружений. Представляя в плане практически прямую линию, вытянутую с запада на восток, это фортификационное сооружение надежно перекрывало балку (рис. 1).

Двухпанцирная регулярная кладка стены сложена на известковом растворе с использованием в нем примесей песка и мелкой гальки. Подогнанные друг к другу тесаные известняковые блоки достигают размеров 0,45×0,65×0,7 м. В забутовке использован плотно залитый раствором бут природного происхождения, встречается крупный галечник.

Развал стены хорошо прослеживается по склонам балки, где на некоторых участках он был частично разобран. Признаков и остатков каких-либо башен на всем протяжении его не обнаружено. Раскоп же в центральной части, заложенный в месте разрушения стены современной траншеей водостока, пришелся на край воротного проема, исследовать который полностью не удалось по причине недоступности: он оказался в настоящее время частично перекрытым полотно шоссе из с. Залесного в с. Терновку.

В погребенном слое у подошвы стены встречаются фрагменты керамики. Большинство их относится к амфорам из розовой, содержащей обильную добавку песка и глины, с коническим дном и удлиненным бороздчатым туловом, имеющим небольшое сужение посередине или чуть ниже. Подобный тип амфор встречен в могильнике у высоты «Сахарная головка», где использовался для детских захоронений у склена 18 (52, с. 62, рис. 17) и в подбойной могиле 9 (53, с. 181, рис. 6). Обычно эти амфоры датируются V—VI вв., но по материалам могильников лучше всего фиксируется их бытование в первой половине VI в. Ближние по форме амфоры второй половины VI—VII вв. отличаются резче выраженными плечиками и заметным расширением тулова в верхней части. Также близкие им, но предшествовавшие по времени амфоры V в., разнятся отсутствием сужения-перехвата в средней части тулова, например, такова использованная в качестве урны амфора из погребения 26 Ай-Тодорского могильника (54, с. 270, рис. 13, I).

Южнее стены, в верховье балки Каралев, располагалось раннесредневековое поселение, на территории которого исследовались остатки трехнефной базилики VII—X вв. и более поздних культовых построек, возводя-

пились на ее фундаментах. На восточном склоне, над базиликой, был обнаружен раннесредневековый могильник с погребениями в грунтовых склепах, подбойных могилах и амфорах, инвентарь которого датируется первой половиной VI—X вв. Одно из детских захоронений могильника было совершенно с использованием амфоры отмеченного типа. Фрагменты подобных ей сосудов встречены в ранних грунтовых склепах этого могильника с другими находками первой половины VI в. Публикации материалов исследований будет посвящена специальная работа, а раскопки оборонительной стены продолжены.

И все же уже теперь можно подвести некоторый итог, суть которого в следующем: а) на основании полученных в результате раскопок археологических материалов возведение оборонительной стены в балке Каралез датируется временем не позднее середины VI в.; б) ее датировка, характер, фортификационное назначение и местоположение в Юго-Западном Крыму позволяют отождествить открытый памятник с одним из участков «длинных стен», упоминаемых Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках»; в) обнаружение реально существующих остатков «длинных стен» служит подтверждением достоверности свидетельства Прокопия о стране или области Дори, находившейся в полном соответствии своему описанию в Юго-Западном Крыму, но также косвенно подтверждает и другие данные, приводимые в этом свидетельстве, в частности, об автохтонности ее населения; г) открытый участок определяет направление повска остальных звеньев прерывистой цепи «длинных стен», местоположение которых намечилось в ходе археологических разведок, но требует более обстоятельного исследования.

Судя по датировкам слоя у основания стены, перекрытого значительным натеком супеси с редкими фрагментами керамики, данный участок «длинных стен» функционировал сравнительно недолго и где-то уже в середине VII в. перестал выполнять роль неприступной стены, подвергаясь интенсивному разрушению. Наиболее подверженным ему был наружный, обращенный к северу навстречу, местами наклонившийся под напором направляемого балкой натечного грунта. Ни на одном из открытых участков стена не восстанавливалась. Среди обвала внешней стороны найдены блоки трапецие-

видного сечения от венчавших стену зубцов.

Как видно, камень из этой стены частично использовался в строительстве и ремонтных работах на плато Мангуна. На это, возможно, указывает найденный там фрагмент крупной строительной надписи, упоминающей имя Юстиниана I (55, с. 18—19; рис. 1). Хотя в самой стене других частей этой надписи пока не выявлено, можно предполагать, что первоначальным местонахождением фрагмента, обнаруженного в кладке восстановленной базилики Константина и Елены и палеографически близкого характерным для монументальных сооружений с вертикальным фасадом надписям, могла быть привратная башня участка «длинных стен» в близрасположенной балке Каралез.

Учитывая, что окруженная «стенами» территория, по-видимому, превосходила Дори, вопрос конкретной локализации древней области на этом пространстве целесообразно пока оставить открытым. Непременным условием для его решения является анализ материалов могильников Юго-Западного Крыма и, в первую очередь, тех, которые не прекратили своего функционирования в III в., а продолжали использоваться вплоть до первой половины—середины VI в., как, например, Чернореченский могильник (48, с. 194). Однако далеко не все памятники этого региона достаточно хорошо изучены или же вообще затронуты исследованиями, не все материалы давно раскопанных — опубликованы. Такова, к сожалению, судьба инвентаря погребений с каменными обкладками и перекрытием позднеантичного могильника у с. Терновка, исследовавшегося в 70-е годы С. А. Белясьевым.

С первой половины—середины VI в. в Юго-Западном Крыму появляется значительное число новых могильников, что может быть связано с увеличением численности федератов. Это не могло не повлечь за собой расширения области обитания их до границ, фиксируемых на время правления Юстиниана I «длинными стенами», но также и включения в нее узкой полосы Южного берега Крыма — «Капатавства Готия» по позднейшим источникам, где со второй половины VI в. получает распространение новый для нее тип погребального сооружения — склепы, захоронения с деформацией женских черепов и всем набором признаков костюма, включая вещевой инвентарь, характерный в то же время и для населения

Юго-Западной Таврики. Этот пивелирующий процесс объединения территорий способствовал распространению здесь христианства как опоры византийской власти, ассимиляции малочисленных групп аборагенного населения и других, вливших в эту среду в процессе ее формирования.

Этническая принадлежность населения Дори, объединяемого у Прокопии общим для значительной группы племен названием «готы», требует обстоятельных исследований с привлечением наряду с письменными источниками широкого круга археологических материалов. Как видно, оно не являлось какой-то пришлой, малочисленной и однородной группой, как это представлялось ряду исследователей; также маловероятна его принадлежность к гото-германским племенам, возглавившим движение многоэтнического готского союза на запад. Следует принимать во внимание, что ко времени написания трактата первоначальный состав населения Дори, в результате юстиниановских преобразований в Таврике, оказался значительно пополненным новыми этническими группами, на фоне которых отчетливо выступает аланская доминанта. Собственно, на причисление Прокопием к «готскому народу» аланов обратил внимание еще Ж. де Бай (55, с. 40—41, сн. 4). Представляет интерес свидетельство, опирающееся на неизвестную Прокопию историческую традицию — это Аланское послание епископа Феодора, согласно которому аланы жили неподалеку от Херсонеса для ограждения и охраны города (56, с. 17—18). Некая область Алания в Крыму названа патриаршей грамотой XIV в. (57, с. 11). Исафат Варбаро примерно в то же время, совершая путешествие в Тану, описывает Крым: «За Каффой, по изгибу берега на великом море, находится Готия, за ней — Алания, которая тянется по острову в направлении Монакастро...» (58, с. 157). Как видно, Аланией назывался весь степной Крым с частью предгорья к северу от Готии.

Значительная группа эпиграфических и письменных источников упоминает официальные титулы владетелей и церковного главы Феодоро. Так, в ипкерманской надписи 1427 г., периода объединения этого княжества с Готией, которая прежде долгое время находилась во власти татар и генуэзцев, Алексей назван владетелем Феодоро и поморья (59, с. 2—6, 30; 60, № 45). В генуэзском документе 1475 г. Саик (Исаак) назы-

вается господином Феодоро и Готии (61, с. 43). Надпись из Партенита 1427 г. сообщает о восстановлении храма Дамианом, митрополитом города Феодоро и всей Готии (22, с. 421—422). Не следует ли из подобного разделения Феодоро и Готии, что Мангуп-Феодоро находился за пределами последней, территориально попадая в Аланию? Поскольку же Феодоро оказывается внутри опоясанной «длинными стенами» площади, можно заключить, что именно за счет присоединения его с частью Алании к Дори и Готии произошло расширение области обитания федератов при Юстиниане I. Дальнейшее разрастание зоны их расселения, продолжавшееся в последующем столетии, прослеживается по топографии распространения крепостей и укрепленных городищ в глубь полуострова.

Следует отметить, что гипотеза о тождественности Дори — Дорос — Дарас с Феодоро-Мангупом, принятая некоторыми исследователями на вооружение, является наименее подкрепленной какими-либо доказательствами. Если исходить из созвучия названий Дороса и Феодоро, то мнимость такового отмечалась еще А. Куником (62, с. 134). Той же точки зрения придерживался и Ф. Брун, доказавший в свое время, что Феодоро нужно отождествлять с Мангупом, а не с Ипкерманом (63, с. 72—73). Правда, имеется упоминание Дареса, или Дараса, в списке городов, «которые в более позднее время изменили свое название» (4, с. 324, сн. 4), но новое его наименование там не названо. Между тем вопрос локализации Дороса может быть выяснен на основании имеющихся источников, если принять за основу отождествление Дори—Дорос—Дарас.

Для Дори Присциана известно лишь то, что она являлась в начале VI в. приморским пунктом (64, с. 195, 283). Равненским Анонимом конца VII в. Дори упоминается в перечне городов «Босфоританской страны» рядом с Херсоном. Если следовать описанию, она могла бы находиться только севернее этого ориентира и, как все перечисляемые города, у берега (4, с. 312).

Первым известным упоминанием Дороса является подпись Георгия «επισκοπος Χερσονου της Δοροσωντος», присутствовавшего на Вселенском соборе 692 г. (1, с. 24). В каком соотношении представлены в этой фразе Херсон и Дорос, остается неясным, но, не вдаваясь в домыслы о ее трактовке, достаточно

заклЮчить, что объединенные попечительством епископа пункты должны были находиться поблизости друг от друга. Более обстоятельны упоминания Дороса Никифором и Дараса Феофаном в связи с бегством сельского Юстиниана II. По словам первого, это сторожевое укрепление «находится во власти» области Готия, что намекает на местоположение у границы владений Херсона (45, с. 82—83, 163). Рассказ Феофана отличается указанием на область Климатов (45, с. 39—40, 155). Поскольку вопрос о Климатах Готии довольно подробно был рассмотрен А. А. Куником (62, с. 74—84), не будем останавливаться на нем. Нахождение пункта, называемого всеми приводимыми свидетельствами, соответствует приморскому расположению соседствующего с Херсоном Инкермана, где А. Л. Бертъе-Делагард проводил границу Херсонской и Готской епархий (57, вкл. 2). Не случайно, по-видимому, и название крепости Каламита в Инкермане созвучно Климатам (рис. 2).

Дорос как крепость готов фигурирует в «Житии Иоанна Готского» (22, с. 396—400;

65, с. 86—154; 66, с. 26—33). Ставившаяся в упрек Иоанну сдача крепости и «клисуров»-перевалов — хазарам открывала им путь к Херсону и Южному побережью, создавая реальную угрозу захвата всей юго-западной части полуострова, чем можно объяснить обеспокоенность жителей Готии. Роли Дороса как раннего религиозного центра Готии вполне отвечают остатки многих церквей и монастырского комплекса Загайтанской скалы в Инкермане, а также обширного поселения у ее подножия, где, по материалам раскопок, жизнь не прекращалась с поздней античности до последней четверти VIII в. Описанию области Дори наиболее соответствует также долина реки Черной (Биюк-Узень) с ее многочисленными археологическими памятниками.

Затронутые нами вопросы, разумеется, уже выходят за рамки скромной задачи восстановить бесспорательно подорванное доверие к единственному письменному свидетельству о строительной деятельности Юстиниана I в Крыму и области Дори.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун Ф. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Зап. ИАН. 1874. XXIV.
2. Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. В 2 ч. Одесса. Поворосс. ун-т, 1880. Ч. 2.
3. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien. 1881.
4. Васильев А. А. Готы в Крыму: В 2 ч. // ИРАИМК. 1921. Т. 1.
5. Васильев А. А. Готы в Крыму: В 2 ч. // ИГАИМК. 1927. Т. 5.
6. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge. 1936.
7. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1—8.
8. Гиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
9. Пшоро И. С. Крымская Готия: Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье. Киев: Лыбидь, 1990.
10. Procopii Caesariensis. De aedificiis // Opera omnia / Rec. I. Haury. Lipsiae. 1916. Vol. IV. В. VI; reprint 1964.
11. Прокопий Кесарийский. О постройках // Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1938. № 4.
12. Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 3.
13. Primus ed. et lacunosus: Procopii Caesariensis. De Aedificiis Iustiniani/Ex admodum C. Penlinger. Ed. Hervagius Basileae. 1531.
14. Primus ed.: Procopius Caesariensis. Operibus / Rec. Nic. Alemanus. Lugdunum. 1623.
15. Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсониса Таврического. М. 1806.
16. Карамзин Н. М. История государства Российского. М. 1818. Т. 1.
17. Кепшен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб. 1837.
18. Фабр А. О древних нагорных укреплениях в Крыму // ЗООИД. Т. 1.
19. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase... et en Crimée, avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique... Paris. 1839—1843. Т. I—VI.
20. Procopius. De aedificiis Justiniani // Corpus Scriptorum historiae Byzantinae. P. II, Vol. III. Bonn. 1838.
21. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Издание второе, пересмотренное. Киев, 1914.
22. Васильевский В. Г. Труды: В 4 т., СПб, 1912, Т. 2. Вып. 2.
23. Оболенский В. Н., Терновский Ф. А. Летопись византийца Феофана // Чтения в Московск. общ. ист. и древн. Росс. М., 1888.

24. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1—8.
25. Соломонович Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дорн // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наук. думка, 1968.
26. Якобсон А. Л. Рец. на кн.: Археологические исследования средневекового Крыма // СА, 1971. № 3.
27. Фирсов Л. В. О положении страны Дорн в Таврике // ВВ, 1979. Т. 40.
28. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
29. Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории средневековой Таврии и литература последних лет // ВВ, 1961. XIX.
30. Procopius Caesariensis. De bello vandalico / Rec. J. Haury // Opera omnia. Lipsiae. 1905—1906. Vol. I—II.
31. Liddell H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon / A new ed. by St. Jones and R. McKenzie. Oxford, 1948.
32. Гиндин Л. А. Проблема славянизации Карпато-Балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского // ВДИ. 1988. № 2.
33. Піоро І. С. Етнічна належність Ай-Тодорського могильника // Вісник Київ. ун-ту. Серія історія. 1973. № 15.
34. Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.
35. Баранов И. А. Раннесредневековая пряжка из Ялты // СА. 1975. № 1.
36. Сидоренко В. А. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV — начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев: Наук. думка, 1987.
37. Мыц В. Л. Могильник III—V вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев: Наук. думка, 1987.
38. Herodotos: In 4 Bd. Leipzig., 1883.
39. Theophranis. Chronographia / Ed. C. de Voog. Lipsiae, 1883. Vol. I—II.
40. Euparii. Excerpta de Sententiis / Ed. U. P. Boissevain // Excerpta historica jussu imp. Constantini Porphyrogeneti confecta. Vopnae. 1906. IV.
41. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
42. Зосим. Новая история // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с рус. переводом В. В. Латышев. СПб., 1900. Т. 1. Ч. 3.
43. Требеллий Поллион. Божественный Клавдий // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с рус. переводом В. В. Латышев. СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2.
44. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Л.: Наука, 1969. Т. 1.
45. Ермий Созомен. Церковная история // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с рус. переводом В. В. Латышев. СПб., 1900. Т. 1. Ч. 3.
46. Симеона Метафраста и Логофета. Описание мира от бытия: Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПб, 1905.
47. Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
48. Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н. э. // Материалы к этн. ист... Киев: Наук. думка, 1987.
49. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
50. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Маягуна // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. XXIV.
51. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. XXI.
52. Веймарн В. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. 13.
53. Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонесский сб. 1959. Вып. 5.
54. Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. № 19.
55. J. de Baye. La bijouterie des Goths en Russie par le baron Paris. 1892.
56. Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское Послание» // ЗООИД. 1898. Т. XXI.
57. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
58. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подг. текста, перевод и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971.
59. Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
60. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1896.
61. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Маягуна // ИГАИМК. 1933. Вып. 71.
62. Кунтик А. О записке Готского топарха // Зап. ИАН. 1874. Т. XXIV.
63. Vignn Ph. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie. SPb. 1866.
64. Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVII: In 2 Bd./Rec. M. Hertzi. Leipzig. 1855.
65. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. 1878. Январь.
66. Никольский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна епископа Готии // ЗООИД. 1883. Т. XIII.